

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.С. Смирнов

**Неизданное противораскольническое
сочинение XVII века
"Брозда духовная"**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1900. № 8. С. 258-277.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Неизданное противораскольническое сочиненіе XVII вѣка:

„Брозда духовная“ *).

III.

Мѣсто „Брозды духовной“ въ ряду современныхъ ей противораскольническихъ сочиненій.—Недостатки ея со стороны содержанія и тона.—Нѣкоторыя данныя для начальной исторіи раскола, заключающіяся въ этомъ памятникѣ.

«Брозда духовная» — памятникъ полемическій, а потому прежде всего онъ имѣетъ значеніе для исторіи начальной *полемики* противъ раскола.

При столкновеніи двухъ противныхъ сторонъ изъ-за такъ называемыхъ старыхъ и новыхъ книгъ и обрядовъ значеніе письменной полемики сразу было сознано тою и другою. Извѣстно, что еще въ челобитной Аввакума 1653 года, вызванной первымъ указомъ Никона въ пользу новыхъ обрядовъ, уже «много писано было» въ защиту старины ⁵³). Извѣстно также, что въ отвѣтъ на это и православные еще въ приложеніяхъ къ «Скрижали» 1656 года напечатали нѣсколько полемическихъ статей. Съ этою же цѣлью помѣщались статьи въ книгахъ, печатавшихся и по удаленіи Никона въ Воскресенскій монастырь. Тѣмъ не менѣе эти попытки православной полемики, за весь періодъ вплоть до собора 1666—67 года, совсѣмъ не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ тѣми успѣхами, какихъ тогда достигла полемика противной стороны, счумѣвшая поднять на ноги всю московскую книжность и мудрость. Около 1666 года полемика съ пра-

*) См. іюльскую. кн. «Христ. Чт.» за 1900 г.

⁵³) Мат. для ист. раск. V, 18—19.

вославної стороны оживляется, а соборъ 1667 года даже въ печати издаетъ книгу «Жезль правленія»⁵⁴). Но замѣчательно, что дѣло это исполняютъ недавніе пришельцы на Москву, для которыхъ въ здѣшной «старинѣ» ничего родного не было, — Симеонъ Полоцкій и даже греки Діонисій архимандритъ Иверскаго Аѳонскаго монастыря и Паисій Лигаридъ митрополитъ Газскій⁵⁵). Кромѣ того, это былъ оффиціальныи починъ правительства, возложившаго порученіе на названныхъ лицъ, а вовсе не дѣло частной инициативы. Объясняется это не одною трудностію дѣла, не тѣмъ только, что тогдашней московской книжности была доступна лишь та, сравнительно недавняя, старина, которая оправдывала до-никоновскія книги и обряды, а старина болѣе глубокая, которая могла бы высказать голосъ въ защиту никоновскихъ исправленій, тогда лежала еще подъ спудомъ, московской грамотности неизвѣстная, — но и тѣмъ, что сочувствіе старымъ книгамъ и обрядамъ въ то время держалось еще очень крѣпко, захватывая иногда даже представителей высшей церковной іерархіи. Самый выходъ въ свѣтъ книги «Жезль правленія» показываетъ, какъ трудно было ожидать тогда полемики со стороны великорусскихъ людей, особенно въ рѣзкомъ тонѣ Симеона Полоцкаго. Книга эта была одобрена не соборомъ 1666 года, на которомъ засѣдали русскіе отцы, а соборомъ 1667 года гдѣ дѣломъ заправляли греки. Достойно вниманія, что первый изъ этихъ соборовъ не одобрилъ къ печати ни упомянутаго сочиненія Діонисія, въ которомъ былъ проведенъ неправильный взглядъ, что старообрядческія особенности имѣютъ еретическій смыслъ и происхожденіе, ни сочиненія Лигарида, за его приемы сужденія и изложенія, не отвѣчавшія требованіямъ московской книжности. Кромѣ того, чтобы понять дѣйствительное настроеніе умовъ того времени, нужно вспомнить, какъ отнеслись къ «Жезлу» тѣ, кому онъ былъ рекомендуемъ. По царскому желанію было постановлено, чтобы духовенство пріобрѣтало эту книгу на свои средства и чтобы всѣ лица принимавшія священныи санъ знакомились съ нею еще до посвященія и затѣмъ руководились бы ею въ своей церковной

⁵⁴) «Жезль правленія» вышелъ въ свѣтъ 10-го іюля 1667 года. «Жезль» ч. 2, воз. 53; ср. Доп. А. И. V, 109.

⁵⁵) Сочиненіе Лигарида издано проф. Н. И. Субботинымъ въ IX томѣ «Матеріаловъ для исторіи раскола». Сочиненіе Діонисія издано проф. Н. аптеревымъ въ 7 и 12-мъ №№-хъ «Православнаго Обзорнія» за 1888 годъ.

практикѣ: и однако, не смотря на это, духовенство, какъ приходское, такъ и монашествующее, въ полномъ своемъ составѣ, отнеслось къ «Жезлу» крайне равнодушно и даже «съ презорствомъ», такъ что ни одинъ экземпляръ его не былъ выписанъ и купленъ ⁵⁶⁾ и патріарху самому пришлось разсылать книгу ⁵⁷⁾. Вслѣдствіе того же и въ ближайшее послѣдующее время частная инициатива принадлежитъ... опять иностранцу. Въ 1675 году, въ далекой Сибири, пишетъ обличеніе на Соловецкую челобитную ссыльный католическій священникъ сербъ Юрій Крижаничъ ⁵⁸⁾, а на Великой Руси природные русскіе продолжаютъ безмолствовать ⁵⁹⁾. Не приходится говорить, наконецъ, и объ «Увѣтѣ духовномъ»: это опять оффиціальное изданіе и экстренное, далеко не вполне оригинальное, да и неизвѣстно, не трудился ли надъ нимъ опять южнорусскій выходецъ ⁶⁰⁾.

Если же все это такъ, то, конечно, нельзя не ставить на видъ и то, что авторъ «Броды духовной» былъ природный великороссъ, и то, что «книга» эта написана по личной инициативѣ ея творца. Рѣдкій, если не исключительный, въ своемъ обществѣ человекъ, и положительно рѣдкое для того времени дѣло...

Что авторъ былъ великороссъ, это не подлежитъ сомнѣнію не менѣе, какъ и то, что онъ не былъ иностранцемъ. Послѣднее, конечно, не нужно и доказывать. Но и по отношенію къ первому нельзя найти ни одного отрицательнаго признака. Больше того, о малороссіянахъ, точнѣе, — о южнорусскихъ ученыхъ въ нашемъ памятникѣ есть особая рѣчь, и изъ нея не трудно видѣть, кѣмъ былъ нашъ полемистъ по своему происхожденію. Авторъ «Броды» въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія сравниваетъ «малороссійскихъ многоучительныхъ людей» съ «книжными знатцами» сѣверныхъ «помор-

⁵⁶⁾ Хр. Чт. 1881, т. I, стр. 473—6.

⁵⁷⁾ Мат. для ист. раск. IV, 268; ср. III, 270.

⁵⁸⁾ Сочиненіе Крижанича издано проф. И. Добротворскимъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ за 1878 годъ.

⁵⁹⁾ Слабые полемическіе листы Коломенскаго священника Іоанна „Слово улично“ и „Споръ православныхъ съ лютыми калитоны“, которые, т. е. листы появились въ свѣтъ не позже 1676 года,—не славимъ въ счетъ („Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ“. Спб 1898, стр. СХХ, прим. 237).

⁶⁰⁾ „Увѣтъ“ вышелъ въ свѣтъ 20 сентября 1682 года. См. II. Смирнова „Исторія русскаго раскола“, изд. 2-е, гл. V, § 59 и примѣч. 50.

скихъ странъ» и вообще «великороссійскихъ городовъ», и хотя становится на сторону малороссіянъ и похваляетъ ихъ, но ни общая связь рѣчи, ни смыслъ отдѣльныхъ выраженій не даютъ здѣсь основанія къ заключенію, что и самъ нашъ полемистъ былъ малороссъ. Именно, въ «увѣщаніи» къ читателямъ авторъ пишетъ: «Здѣшнихъ поморскихъ странъ... елико кто книжному прочтанію обыкль, той умъ свой къ роспѣвному ученію прилагаль, а здраваго ученія и грамматическаго разума ни мало не внималъ, — не яко малороссійскіе многоучительные люди. Онѣ бо тщаніе свое болѣ къ книжному разуму прилагають, для того и школьны у себя во градѣхъ имѣють, въ нихъ же мудростемъ божественныхъ писаній себе поучають. И сіе ихъ, малороссіянъ, обыкловеніе пречестнѣе здѣшнихъ грамотниковъ роспѣвнаго снисканія, для того, что ихъ мудрствованіе употребляется къ слагательству и ко всему православному исполненію и защищенію». Такимъ образомъ, какъ видно отсюда, симпатіи автора «Брозды» были на сторонѣ южно-русскихъ ученыхъ, но онъ говоритъ о нихъ какъ о людяхъ чужой мѣстности и совсѣмъ другихъ условій жизни, чѣмъ въ какихъ находились поморскіе и вообще великороссійскіе «книжные знатцы», а равно, какъ видно изъ дальнѣйшихъ его словъ, и онъ самъ. Именно, въ дальнѣйшей рѣчи онъ характеризуетъ себя, какъ прямую противоположность «малороссійскимъ многоучительнымъ людямъ»: «въ книжномъ разумѣ не обыкловенъ, и слагательства и грамматическаго ученія недостизателенъ, не школьной». И эта характеристика дѣлается безъ всякихъ оговорокъ: подъ перомъ великорусскаго человѣка пріемъ этотъ понятенъ, но если бы авторъ по своему происхожденію былъ малороссъ, то онъ долженъ бы былъ сказать, почему вышелъ «не школьной», когда на его родицѣ есть много школъ.

Что касается побужденій къ написанію «Брозды», то въ качествѣ ближайшаго повода тутъ было замѣшано, какъ видѣли мы это раньше, самосожженіе раскольниковъ въ Дорахъ. Но это событіе послужило только рѣшительнымъ толчкомъ къ осуществленію давнишняго желанія нашего полемиста. Дѣло въ томъ, что онъ, какъ самъ о томъ заявляетъ, и безъ того, видя успѣхъ раскольниковой пропаганды, уже «многажды хотѣлъ слагать книгу» противъ раскольниковъ, и только сознаніе, что «въ книжномъ разумѣ не обыкловенъ», что онъ — человѣкъ «не школьной, но просто ученой», — до вре-

мени удерживало его отъ исполненія своего желанія. Такимъ образомъ, авторъ «Брозды» взялся за дѣло не по порученію со стороны и не неожиданно для себя, какъ это бывало съ полемистами противъ раскола не только ранѣе его, но и позднѣе.

Выдѣляясь по обстоятельствамъ своего происхоженія, «Брозда» выдѣляется и со стороны своего содержанія. Она ставитъ на разрѣшеніе вопросы въ большинствѣ совсѣмъ новые, ни въ «Жезлѣ», ни въ «Увѣтѣ» не затронутые, а если касается старыхъ, то—съ цѣлью освѣтить ихъ съ новыхъ сторонъ, самостоятельно дополнить ихъ аргументацію. Къ первой категоріи относятся слѣдующіе вопросы: о самоистребленіи, объ антихристѣ и кончинѣ міра, о старописьменныхъ и старопечатныхъ книгахъ; затѣмъ—о церковныхъ кругохожденіяхъ, о молебнахъ въ двенадцатые и храмовые праздники, о постриженіяхъ «въ міру», объ иноческомъ «покаяніи», о малыхъ мантияхъ; наконецъ—объ имени «Николай», о словѣ «отчаянный», о пѣніи «Святый Боже» при погребеніи и о разрѣшительной молитвѣ. Только нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ упоминаются въ раннѣйшей печатной и рукописной полемической литературѣ—и почти лишь только упоминается. Изъ вопросовъ, о которыхъ была специальная рѣчь въ раннѣйшихъ образцахъ полемики, въ томъ числѣ и въ печатныхъ, авторъ «Брозды» обратилъ особенное вниманіе на тѣ, которые, примѣнительно къ раскольническому толкованію, имѣли ближайшую связь съ вопросомъ объ антихристѣ; таковъ именно вопросъ о формѣ креста Христова и связанный съ нимъ—о печати на просфорахъ, о чемъ нашъ полемистъ трактуетъ сравнительно подробно. Въ общемъ и здѣсь «Брозда» является болѣе самостоятельною, чѣмъ даже «Жезль», и «Увѣтѣ», которые не были независимы отъ раннѣйшихъ полемическихъ произведеній: Симеонъ Полоцкій, какъ извѣстно, пользовался сочиненіемъ Паисія Лигарида, а составитель «Увѣта» даже буквально повторилъ многія «возобличенія» Полоцкаго.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить попытку автора «Брозды» дать своему сочиненію соотвѣтствующую его цѣлямъ и назначенію постановку въ отношеніи доказательствъ и изложенія. Характеръ его доказательствъ—ихъ непосредственность, когда буква побивается буквою, факту отвѣчаетъ фактъ, на примѣръ дается примѣръ; особенность изложенія—безыскусствен-

ность, за исключеніемъ, впрочемъ, виршеплетенія. Разумѣется, то и другое было простымъ результатомъ свойствъ самаго пера нашего полемиста, и притомъ пера далекаго отъ совершенства. Но важно то, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы видимъ здѣсь и ясную сознательность со стороны автора. Авторъ «Броды» былъ рядовой книжникъ того времени, пріобрѣтшій свои познанія путемъ простой начитанности. Какъ онъ писалъ, такъ писалъ бы и всякій другой начетчикъ, его современникъ. Но нашъ полемистъ понималъ что дѣлалъ, будучи убѣжденъ, что такъ и нужно дѣлать. Паисій Лигаридъ, Діонисій — аео-нить, Полоцкій, Крижаничъ, — все это были люди особаго школьнаго образованія, даже ученые, и такое качество, естественно, отразилось въ той или другой мѣрѣ на построеніи, доказательствахъ и самомъ изложеніи ихъ полемическихъ сочиненій. Особенно это нужно сказать о томъ изъ нихъ, которое тогда же появилось въ печати, т. е. о «Жезлѣ правленія», въ которомъ нашли мѣсто и доказательства естественно-научныя, и доводы логическіе, и правила грамматическія. Бѣда была только въ томъ, что чужіе школьные пріемы, пришлюю «науку» доморощенная московская книжность совсѣмъ не цѣнила. «И кромѣ философіи, и кромѣ риторики, и кромѣ грамматики, мощно есть вѣрну сущу препрети всѣхъ противящихся истинѣ»: вотъ какъ судила по данному предмету тогдашняя московская, она же — и раскольническая, мудрость. «Златоустъ называлъ философовъ трапенежными псами, а выпѣшнихъ мы философовъ какъ наречемъ, — развѣ песьими сынами»? Когда Симеонъ Полоцкій сходилъ на «стязанье» съ протопопомъ Аввакумомъ, то споръ продолжался, какъ выражается Аввакумъ, до «опьяненія», и однакожь — безъ всякихъ результатовъ. «Философъ» говорилъ протопопу: «ты — острота ума, да вотъ не знаешь науки», а тотъ ему въ отвѣтъ: «сердить я на діавола, воюющаго въ васъ». Очевидно, это были двѣ разнородныя, до противоположности, силы, для которыхъ не могло быть ни одной точки зрѣнія въ началѣ, ни согласія въ концѣ ⁶¹⁾). Не тотъ взглядъ, не тотъ авторитетъ, не тотъ подборъ доказательствъ... Самое изложеніе въ «Жезлѣ», выразившееся въ схоластическихъ формахъ и риторическихъ пріемахъ, было для его читателей и необычно, и мало доступно для пониманія. Намъ свидѣтельствуеть объ

⁶¹⁾ Мат. для ист. раск. I, 486—487; V, 118.

этомъ самъ авторъ «Брозды», прямо заявляя, что «сложные по грамматическому разуму рѣчи» печатныхъ книгъ «Жезла» и наполовину повторившаго послѣдній «Увѣта» были «недоразумительны» — не только для «мірскихъ», но и для «священнаго чина и монашескаго». Задача автора «Брозды духовной», отсюда въ томъ именно и состояла, чтобы изложить свою «книгу» наиболѣе безыскусственно, чтобы «мочно было внимати простоученнымъ людемъ, простой чади». Повторяемъ, что перо нашего автора не было какимъ либо примѣтнымъ самородкомъ. Слѣдуетъ сказать и больше того: перо это иногда не было достаточно сильно даже для того, чтобы умѣло выдвинуть нужную сторону или черту вопроса и показать связь аргументаціи ^{61a}). Но во всякомъ случаѣ въ «Броздѣ духовной» нельзя не видѣть, сколько извѣстно, раннѣйшую *попытку* цѣлесообразной постановки доказательствъ и приспособленности къ пониманію читателя въ изложеніи, какъ бы ни были незначительны достигнутые ею здѣсь результаты.

Впрочемъ, излагая содержаніе «Брозды», мы не всегда отмѣчали тѣ или другіе недостатки ея въ рѣшеніи разныхъ вопросовъ, тѣ или другіе пробѣлы, происшедшіе частію вслѣдствіе недоразумѣнія, частію вслѣдствіе полемическихъ перепалокъ. Считаемъ необходимымъ сдѣлать это теперь, чтобы оцѣнка разсматриваемаго сочиненія была полнѣе.

Въ разсужденіяхъ объ антихристѣ и кончинѣ міра, послужившихъ главнымъ предметомъ для содержанія «Брозды», раскольники выходили, какъ извѣстно, изъ ходячихъ русскихъ эсхатологическихъ чаяній того времени, выражавшихся въ теоріи о Москвѣ, какъ третьемъ Римѣ, и о восьмой тысячѣ лѣтъ, какъ таковой, въ которую послѣдуетъ кончина міра. Къ сожалѣнію, эти чаянія не чужды были и автору «Брозды». Отсюда на тѣхъ самыхъ страницахъ послѣдней, гдѣ опровергается ученіе раскольниковъ о наступленіи царства антихриста и о томъ, что предреченная въ Писаніи на времена антихриста мерзость заустѣнія будто бы уже открылась, — встрѣчаются такіа строки, которыя способны были только затемнять вопросъ, а не уяснять его. Именно, въ противовѣсъ хулѣ рас-

^{61a}) Въ виду этого при изложеніи содержанія „Брозды“ мы позволили себѣ внести, гдѣ нужно, для связи мысли и ясности общаго представленія о предметѣ, соотвѣтствующій комментарий.

кольниковъ на православное богослуженіе, авторъ указываетъ на церковные порядки доиконовскаго времени, когда, между прочимъ, царило «многогласное пѣніе и протяжное оитовое распѣваніе», и поясняетъ: «кто по существу разсудить—это самая та мерзость запустѣнія, и отъ сего бысть въ та времена церкви Божія аки овощное хранилище». Основаніемъ для такой связи рѣчи далѣе выставляется то обстоятельство, что эта «мерзость запустѣнія» открылась «въ нынѣшніе послѣдніе роды», и на этомъ же основаніи авторъ сравниваетъ царя Алексѣя Михайловича и патріарха Никона, чрезъ которыхъ, по выраженію автора, «Господь свободилъ» церковь отъ этой «мерзости», съ Энохомъ и Иліею, имѣющими явиться предъ кончиною міра на обличеніе антихриста: «въ нынѣшніе послѣдніе роды Господь аки Илію и Эноха даровалъ и аки на антихристово обличеніе послалъ». Можетъ быть это сопоставленіе казалось автору «Брозды» остроумнымъ; но на дѣлѣ тутъ... и подобіе раскольническаго вытолковыванія «мерзости запустѣнія», и непристойное сравненіе Алексѣя Михайловича и Никона съ Иліею и Энохомъ,⁶²⁾ и подтвержденіе раскольническаго мнѣнія, что послѣднія, предъ кончиною вѣка, времена, дѣйствительно, уже настали. Кромѣ того, въ отвѣтъ на теорію о Москвѣ, какъ третьемъ Римѣ, въ «Броздѣ» можно было находить утвержденіе, что въ Греціи «благочестіе не повредилось» и послѣ турецкаго завоеванія, но тутъ не было доказательствъ этого.

Говоря о Кирилловой книгѣ, авторъ «Брозды» въ полемическомъ увлеченіи замѣчаетъ: «а въ той книгѣ только правды положено, что Символь православныя вѣры: Его же царствію *не будетъ* конца». Не говоря уже о несправедливости такого отзыва, онъ былъ и неудобенъ, такъ какъ православная полемика тогда уже сама ссылалась на Кириллову книгу въ свою пользу⁶³⁾. Утверждая, что въ церковныхъ кругохожденіяхъ нужно ходить противъ солнца, а не по солнцу, авторъ «Брозды» замѣчаетъ, что такой «уставъ» существуетъ «по преданію святыхъ отецъ»; было бы, конечно, правильнѣе и

⁶²⁾ Въ издаваемыхъ въ 1655 и 1658 гг. по распоряженію патріарха Никона Служебникахъ, въ предисловіи, говорилось, что царь Алексѣй Михайловичъ для церкви—это Моисей и Давидъ, а патріархъ Никонъ—это второй Ааронъ и Ілія; но разумѣется, что подражать такимъ сравненіямъ не слѣдовало.

⁶³⁾ Жезлъ, ч. 1, воз. 21-е.

точнѣе, если бы полемистъ, по примѣру отцевъ собора 1667 года, сказалъ, что ходящіе посолонь «ходятъ не по обычаю святой восточной церкви»⁶⁴). Говоря о дѣлѣ Никона, авторъ «Брозды» выражается, что если патріархъ предпринялъ исправленіе книгъ и обрядовъ, то былъ на то «Духомъ Святымъ паставляемъ»; разумѣется, было бы сказано точнѣе и основательнѣе, если бы полемистъ сдѣлалъ только тотъ выводъ изъ представленныхъ имъ же самимъ данныхъ, что названное дѣло Никона — въ русской церкви не новое и необходимое.

Въ «отвѣтѣ» о печати на просфорахъ находимъ въ «Броздѣ» такія строки: «Четвероконачнаго креста на просфорѣ изображеніе знаменуетъ пречистаго тѣла Христа ко кресту пригвожденіе. Егда іерей въ *проскомидіи* пречистый хлѣбъ полагаетъ знаменіемъ убо долу, закнаніемъ же горѣ, и указное дѣйство исполнить, и *тогда* той пречистый хлѣбъ *обоженъ бываетъ* моленіемъ и молитвами іерейскими, и невидимымъ дѣйствіемъ Святого Духа *сотворяется тѣло Христово*, а не ради титлы верхнія дщицы—и копія и трости и Голговы горы или Адамли главы». Изъ этихъ словъ видно, что «Брозда» могла подать поводъ къ спорамъ о времени пресуществленія святыхъ даровъ. Конечно, нѣтъ основанія утверждать, что выраженный здѣсь нашимъ авторомъ взглядъ не былъ дѣломъ случайнаго недоразумѣнія; но нельзя не указать и того, что мнѣніе это тогда уже нашло себѣ оцѣнку даже съ спеціальной противораскольнической литературѣ. Что еще на проскомидіи хлѣбъ и вино «бываютъ» тѣломъ и кровію—этого взгляда держался попъ Никита Пустосвятъ⁶⁵), и въ «Жезлѣ правленія» по этому поводу противъ него было написано особое «возобличеніе»⁶⁶).

⁶⁴) Мат. для ист. раск. II, 231.

⁶⁵) Мат. для ист. раск. IV, 11—13. 50—59. По свидѣтельству діакона Теодора, точно такъ же учили проропозъ Аввакумъ и попъ Лазарь. Тамъ же VI, 97. 128.

⁶⁶) „Жезлъ“, ч. I, воз. 13.—Собственно говоря и самъ Сямеонъ Полоцкій держался на этотъ предметъ такого взгляда, который не принять православною церковію, но въ данномъ случаѣ это для насъ не важно. Любопытнѣе сдѣлать слѣдующее с поставленіе. Одно изъ своихъ основаній попъ Никита выразилъ такъ: „Преподобный Ефремъ изначала литургіи свидѣтельствуеть тайнахъ: егда, рече, іерей примъ просвиру нача рѣзати, и соблазнившійся братъ видѣ два ангела снеше младо отроча, и зарѣзавше кровь его источиша въ потиръ, тѣло же положиша на блюдѣ“ (Мат. для ист. раск. IV, 53—4). Въ „Броздѣ“ на попъ противъ вышеприведенныхъ словъ и нѣсколько

Отстаивая начертаніе «Никола» противъ «Николай», раскольники указывали, между прочимъ, на то, что хотя въ раннѣйшихъ новопечатныхъ книгахъ введено «Николай», но позднѣе въ нихъ встрѣчается уже и «Никола». На этомъ основаніи раскольники «баснословили на прелесть простымъ людямъ», что-де «власти за старопечатные уже преводы приѣмлются,—одумались-де, что старопечатныя книги правы, потому и печатаютъ *Николою*, а не *Николаемъ*, а потомъ помалѣ—малу, не во единое время, и прочее все предложать противъ старопечатныхъ книгъ». Отвѣчая своимъ противникамъ, авторъ «Брозды» не отрицаетъ, что они указываютъ на фактъ, но даетъ этому факту такое объясненіе, которое, по его мнѣнію, не оправдываетъ вывода раскольниковъ. «Въ нынѣшнихъ новоисправныхъ книгахъ, со 170-го лѣта,—говоритъ онъ,—печатаютъ по правиламъ грамматическаго разума: въ мѣсяцословахъ *Николая* и въ прочихъ приличныхъ тому, въ тропаряхъ—*Николае*, въ надписаніи канона на ѿ: канонъ святителю *Николь*, и въ прочихъ приличныхъ тому». Но въ чемъ же заключаются эти «правила грамматическаго разума»? По словамъ полемиста, имѣвшаго подъ руками «Грамматику» московскаго изданія 1647 года, «рѣчь *дательная* на *ь*, еже есть: канонъ святому *Николь*, а молебная рѣчь на *естью*, еже есть: святителю отче *Николае*, моли Бога о насъ». Но конечно нѣтъ нужды и пояснять

ниже находимъ слѣдующіе цитаты: „Ефремъ, слово 107,—Ефремъ, слово 85,—Прологъ, апрѣль въ 3 день“. Такимъ образомъ оказывается, что въ обоихъ памятникахъ основаніе для высказываемаго мнѣнія отыскивается въ твореніяхъ св. Ефрема Сирина. Именно, судя по тексту челобитной Никиты, бывший суздальскій попъ имѣлъ въ виду „слово святаго Ефрема о откровеніи просфоры соблазвившемуся брату“, помѣщенное въ Прологъ подъ 30-мъ сентября (ср. „Книгу св. Ефрема“, по изд. 1652 года—„слово 85-е: блаженнаго Ефрема о просоѣрѣ, рекше комканіи“). Но въ этомъ „словѣ“ нѣтъ основанія для вывода Никиты: видѣніе брата было не при совершеніи проскомидіи, а въ концѣ литургіи. Точно также нѣтъ подобнаго основанія и въ „словѣ“ 107-мъ „Книги св. Ефрема“, на которое ссылается авторъ „Брозды“,—кому бы оно ни принадлежало; это „слово“, по его заглавію, содержитъ „показаніе о святыхъ Христовыхъ тайнахъ“ и буквально гласитъ только то, что хлѣбъ и вино въ евхаристіи „молитвою іереевою, съ пришествіемъ святаго Духа, сотворяются плотью и кровію“. Наконецъ, подъ 3-мъ апрѣля находимъ „слово отъ Патерика о соблазвившемся братѣ о святѣмъ причастіи“; въ немъ также описывается видѣніе, тождественное съ вышеупомянутымъ, но моментъ видѣнія изображается опять такъ: „простеръ іерей руку *преломити* хлѣбъ на святѣй *трапезѣ*“, тогда какъ проскомидія совершается на жертвенникѣ.

что это разсужденіе есть плодъ недоразумѣнія со стороны «не школьнаго человѣка», еще недостаточно побѣдившаго «грамматическій разумъ». Любознательный раскольникъ по той же «грамматикѣ» могъ показать автору «Брозды», что имя *Никола* нужно склонять по первому склоненію, по примѣру *Иона* (дательный: *Николь*, звательный: *Николо*, родительный: *Николы*), а имя *Николай* по четвертому склоненію, гдѣ прямо сказано, что *Николай* склоняется по примѣру *ходатай* (дательный: *Николаю*, звательный: о, *Николаю*, родительный: *Николая*).

Къ недостаткамъ „Брозды“, съ полемической точки зрѣнія, нужно отнести ея рѣзкій тонъ по отношенію къ раскольникамъ. Конечно, это было вполне въ духѣ своего времени, и если взять „Жезлъ“, то въ немъ можно найти подобной авторской изощренности гораздо болѣе, чѣмъ у нашего полемиста. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь нерѣдко встрѣчаются непривычныя для нашего слуха сравненія, или обращенія. Не говоримъ о справедливыхъ характеристикахъ, въ родѣ: „нынѣшніе раскольники — противные спорники, народы развращаютъ не правоученіемъ, а буюсловіемъ, не мудрые, и не философы, и не риторы, и здраваго ученія недостижны“. Но вотъ примѣръ сравненія: „аки развратники ветхаго Рима, прежде бывшіе каруловы еретики, иже имуще спомогателя своего воцарившагося въ ветхомъ Римѣ Карулу Фрязенина: а сіи развратницы новыя имѣють себѣ спомогателя и на мятежъ поострителя мысленнаго Карулу, еже есть сатану, воцарившагося въ сердцахъ ихъ“. А вотъ обращенія къ противнику: „вы, окаянніи раскольницы“, „безумніи“, „неразумніи“, „аки псы лаеете“, „аки свинія бисеръ порѣваеете“, „гнусныя капитоны“...

Будучи памятникомъ собственно противораскольничьей литературы XVII вѣка, „Брозда“ имѣетъ нѣкоторое значеніе и для исторіи раскола вообще.

Таковы, прежде всего, сообщенныя здѣсь свѣдѣнія о томъ, гдѣ впервые появилось самосожженіе раскольниковъ и когда оно проникло въ Поморье. Первое поморское самосожженіе, по свидѣтельству нашего писателя, было „въ 191 году“, въ мѣстечкѣ Доры, Каргопольскаго уѣзда. Опъ говоритъ: „Огнемъ сожигались впервые въ Поволскихъ градѣхъ, а нынѣшняго 191-го году въ Каргопольской области, въ Поморской странѣ въ мѣстѣ, именуемомъ *Доры*“. Такъ какъ, по словамъ

самого автора, извѣстіе объ этомъ фактѣ дошло до него въ томъ же „191 году“, когда была написана и самая его „книга“, то и данное свидѣтельство нужно признать вполне достовѣрнымъ, какъ свидѣтельство отъ самаго года этого факта. Черезъ сопоставленіе съ другими данными оно, дѣйствительно, подтверждается. О самосожженіяхъ въ Дорахъ говорятъ два памятника: „Отразительное писаніе“ и „Исторія Выговской пустыни“⁶⁷⁾. Въ первомъ упоминается о трехъ случаяхъ самосожженія въ Дорахъ, безъ указанія хронологіи; во второмъ—объ одномъ, тоже безъ означенія года событія, но съ надписаніемъ: „первая гарь“, хотя, если основываться на показаніи „Отразительнаго писанія“, здѣсь разсказывается о третьей дорской гари. Отсюда слѣдуетъ заключить, что въ записи о самосожженіи въ Дорахъ, вошедшей въ „Исторію Выговской пустыни“, сказалась память именно о томъ, что самосожженіе въ Дорахъ было первымъ въ Поморьѣ. Кромѣ того, извѣстіе о томъ, что самосожженіе первоначально появилось «въ Поволскихъ градѣхъ», вполне подтверждается извѣстіемъ «Отразительнаго писанія», по которому «горѣніе» началось въ „Понизовыхъ странахъ“, по Волгѣ, а потому также можетъ быть принято какъ свидѣтельство о дѣйствительномъ — и въ XVII вѣкѣ общеизвѣстномъ — фактѣ.

Весьма характерно изображаются въ „Бродѣ“ причины успѣха раскольнической пропаганды XVII вѣка. „Во многихъ весѣхъ христіане... отъ святыхъ церквей и отъ отцовъ духовныхъ отвратились... простіи превращаемы — отъ грамотныхъ неискуссныхъ людей научаемы; елико кто въ нихъ изучилъ Псалтирь и книжнаго аще прочитанія навыкъ, а здраваго ученія не обмыкъ, и слогу и рѣчи часто не растолкуеть... и обряцеть гдѣ какія письменныя повѣсти сложенныя, а не свидѣтельствованныя, аще и самая небылица писана, и то мнить быти правдою и на то ссылается, и часто неправду—правдою, а правду вмѣняетъ неправдою, и прелагаетъ тьму въ свѣтъ, а свѣтъ во тьму“. Объясненіе этого прискорбнаго явленія, засвидѣствованнаго и другими писателями XVII вѣка, найти не трудно. Средою, въ которой преимущественно развивался расколъ, былъ простой народъ. Это были люди, вѣра

⁶⁷⁾ „Отразительное писаніе“. Сиб. 1895, стр. 77—78, 81—82. „Исторія Выговской пустыни“. Сиб. 1862, стр. 65—67. Объ этихъ памятникахъ—въ сочиненіи „Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ“. Сиб. 1898.

которыхъ основывалась на писаніи, хотя писаніе совсѣмъ не было имъ вѣдомо. Это были люди, которые говорили отъ книгъ, а грамотѣ не учились. Отсюда такимъ людямъ нуженъ былъ руководитель, авторитетъ, а авторитетъ мыслился не иначе, какъ съ писаніемъ въ рукахъ, и этому писанію, хотя бы въ немъ, дѣйствительно, была писана „небылица“, вѣрили неизмѣнно, потому что оцѣнить его не умѣли.

Весьма любопытнымъ, хотя при наличныхъ историческихъ данныхъ еще довольно загадочнымъ, представляется извѣстіе автора „Брозды“ о томъ, что особенно усиленное движеніе въ сторону раскола въ средѣ поморскаго населенія началось съ 1672 году. Такимъ замѣчаніемъ онъ начинаетъ, между прочимъ, и свое увѣщаніе, когда говорить, что „книгу“ свою „изложилъ на пресѣченіе прекословныхъ бесѣдъ раскольниковъ, умножившихся съ 180-го лѣта“. Ранѣе онъ точно также утверждалъ о поморскихъ раскольникахъ: „ни отъ чего въ лѣсы отъѣзжаютъ съ 180-го лѣта до сего 191-го лѣта, — во многихъ весѣхъ христіане возбѣсились“. Итакъ, писатель сообщаетъ, повидимому, объ извѣстномъ тогда фактѣ, хотя самъ не можетъ найти для него объясненіе. Это даетъ намъ право, съ одной стороны, не сомнѣваться въ достовѣрности сообщаемаго извѣстія, а съ другой искать его объясненія лишь въ догадкахъ. Въ параллель данному свидѣтельству можно припомнить, что 1672 годъ отмѣченъ выдающимся событіемъ и въ другомъ тогдашнемъ центрѣ раскола—нижегородскомъ. По точной записи нижегородскаго лѣтописца, въ 1672 году въ Нижегородскомъ Закудемскомъ стану начались *самосожженія* раскольниковъ⁶⁸), по всѣмъ даннымъ *первыя* примѣненія этого вида самоистребленія въ расколѣ⁶⁹). Съ другой стороны извѣстно, что могущественнымъ двигателемъ всей тогдашней жизни раскола былъ вопросъ объ антихристѣ и кончинѣ міра. Самъ авторъ „Брозды“, хотя и удивляется бѣгству раскольниковъ въ лѣса и пустыни, на первый взглядъ непонятному, въ другомъ мѣстѣ приводитъ, однако же, и объясненіе факта со словъ самихъ раскольниковъ: „пастоитъ время пришествія антихристова,—и сего ради въ пустыни удаляемъ и въ лѣсы вселяемъ, чтобы антихристовы печати не воспріяти“. Отсюда рассматриваемое свидѣтельство относительно

⁶⁸) Древ. Росс. Вивліое., ч. XVIII, стр. 92.

⁶⁹) Внутр. вопр. въ раск. въ XVII в., стр. 54.

1672 года и его значенія для поморскаго раскола мы имѣемъ основаніе сопоставить съ другимъ извѣстіемъ, что ожиданіе кончины міра соединялось, между прочимъ, съ 1674 годомъ. Памятникъ переносить насъ въ ограду Соловецкаго монастыря и знакомить съ результатами выкладокъ чернаго попа Геронтія. Составитель знаменитой Соловецкой челобитной, какъ оказывается, полагалъ, что кончина міра должна послѣдовать въ 7182 году. Соловецкій монастырь находился тогда въ осадѣ и „стояніе за вѣру“ продолжалось въ ожиданіи „свѣту представленія“. Трудно опредѣлить способъ этого вычисленія, такъ какъ въ историческихъ памятникахъ онъ не указанъ⁷⁰⁾; но извѣстно, какое громадное значеніе въ тотъ періодъ имѣла Соловецкая обитель на судьбу поморскаго раскола. И возможно, что въ 1672 году Геронтія уже пришелъ къ своимъ выводамъ и они тогда стали извѣстны поселенцамъ Поморья...

Свидѣтельство инока Евфросина о развратномъ поведеніи пѣкоторыхъ пропагандистовъ раскола подтверждаетъ и нашъ писатель. „Нѣщны изъ нихъ желаніе похотное тайно имуще, христіанскіе дома прельщаютъ, не на истину наставляюще, но свою похоть исполняюще, зане жень и дѣвиць къ себѣ отвращающе“. Заслуживаетъ также вниманія извѣстіе нашего писателя о томъ, какое впечатлѣніе производило даже на православныхъ, когда пропагандисты раскола указывали имъ практикуемое въ православной церкви противословіе: „Нынѣ отъ васъ вчинися православнымъ народомъ мало ли соблазновъ, — говоритъ онъ, обращаясь къ расколуучителямъ: — не ходятъ въ священныхъ выходахъ въ молебствованіи за чудотворными иконами, аки иконнаго того поклоненія отвращени, зане вашимъ блядословіемъ помрачены и сомнѣніемъ одержими о семъ исхожденіи за сіе, что не по солнечному и лунному теченію“.

Въ сійскомъ экземплярѣ „Брозды“ дважды встрѣчается указаніе ея автора, что извѣстная книга „Жезль правленія“ принадлежитъ перу „премудраго отца іеромонаха Симеона Полоцкаго“. По этому поводу можно сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. Хотя „Жезль“ изданъ отъ лица собора и показанъ „тщаливѣ сооруженнымъ“ самимъ соборомъ, однако современникамъ было извѣстно имя дѣйствительнаго автора

⁷⁰⁾ *Е. Барсовъ*. „Новые матеріалы для исторіи старообрядчества“ М. 1890, стр. 121.

„Жезла“. Достаточно здѣсь указать на два свидѣтельства. Ученикъ Симеона Сильвестръ Медвѣдевъ въ своемъ письмѣ, отъ 27 сентября 1676 года, посланномъ изъ Курскаго Пресвятой Богородицы монастыря, прямо называетъ „Жезль правленія“ произведеніемъ Симеона Полоцкаго „со многимъ трудомъ сооруженнымъ⁷¹⁾. Другое свидѣтельство принадлежитъ раскольническому писателю Саввѣ Романову, который въ своей „Исторіи о вѣрѣ“ влагаетъ въ уста извѣстнаго попа Никиты Пустосвята такія, обращенныя къ царевнѣ Софіи на соборѣ 5 іюля 1682 года, слова: „да на меня же *Жезль* книгу сложилъ Симеонъ Полоцкій, а противъ той челобитной моей и пятой части нѣтъ въ той книгѣ мнѣ отвѣту“⁷²⁾. Въ началѣ XVIII вѣка нѣкоторые раскольническіе писатели еще знали настоящаго автора „Жезла“⁷³⁾; но не то мы видимъ у позднѣйшихъ библиографовъ. Одни — очевидно на основаніи напечатаннаго въ „Жезлѣ“ посвященія царю Алексѣю Михайловичу отъ имени патріарха Іоасафата II — считали книгу произведеніемъ этого патріарха⁷⁴⁾; другіе проводили мысль о сооруженіи «Жезла» соборомъ 1666—7 года, руководясь приведеннымъ нами указаніемъ самой этой книги⁷⁵⁾. Такъ продолжалось, кажется, до тѣхъ поръ, пока не былъ найденъ черновой списокъ „Жезла“, писанный рукою Симеона Полоцкаго.

Наконецъ, историческое значеніе «Брозды» заключается и въ томъ, что она знакомитъ насъ съ нѣкоторыми раскольническими мнѣніями, точнѣе — съ обвиненіями раскольниковъ противъ церкви: иногда съ новыми, по дошедшимъ до насъ раскольническимъ сочиненіямъ того времени совсѣмъ неизвѣстными, иногда же по крайней мѣрѣ съ новой ихъ постановкой.

⁷¹⁾ Чт. общ. любит. духов. просвѣщ. 1886, іюнь, стр. 611—612.

⁷²⁾ Лѣт. русск. литер. и древ., т. V, отд. 2, стр. 138.

⁷³⁾ „Керженскіе огнѣгы“: А. Б. „Опис. раск. сочин.“, ч. 2, стр. 247.

⁷⁴⁾ П. М. Строевъ „Библиологическій словарь“, Спб. 1882, стр. 145.

⁷⁵⁾ Еп. Дамаскинъ „Библиотека російская“: Пам. древ. письм. 1881, т. XI, стр. 77.—Сопиковъ „Опытъ росс. библиогр.“, ч. I, № 30.

IV.

Источники „Броды духовной“.—Особенности въ ея изложеніи и языкѣ.—Кто былъ авторомъ „Броды“ — неизвѣстно.—Нѣсколько общихъ положеній къ этому вопросу.

1) Обращаясь къ литературнымъ особенностямъ «Броды духовной», мы должны бы, прежде всего, дать понятіе объ источникахъ этого памятника. Но источники нашего автора показываютъ въ немъ обычнаго начетчика того времени. Это, впрочемъ, совпадало съ тѣми требованіями, какія могли быть предъявлены къ его произведенію со стороны читателей, особенно раскольнической. Общій составъ источниковъ не великъ, но всетаки довольно разнообразенъ. Кромѣ Св. Писанія, авторъ пользуется книгами богослужебными, истолковательными, учительными и др. Такимъ образомъ, онъ цитируетъ: Толковое Евангеліе, Толковый Апокалипсисъ, Книгу св. Ефрема Сирина, Великій Соборникъ, Поученія аввы Дорофея, Кормчую книгу, Кириллову книгу, Прологъ. Въ разныхъ мѣстахъ автору служатъ источникомъ и богослужебныя книги: беретъ онъ Октоихъ—и приводитъ текстъ тѣхъ или другихъ пѣснопѣній, беретъ Трїодъ—и пользуется данными синаксарія, беретъ первыя изданія разныхъ богослужебныхъ книгъ московской печати—и отсылаетъ читателя за нужными свѣдѣніями къ ихъ предисловіямъ и послѣсловіямъ. Далѣе, были подъ руками нашего полемиста нѣкоторые рукописные сборники церковно-историческаго и нравоучительнаго характера: Зерцало, Старчество, Соборникъ церковный, а также отдѣльныя сказанія, напр. Пересвѣтово сказаніе о царѣ турскомъ Магметѣ, повѣсть о восьмомъ соборѣ Симеона Суздальскаго. Наконецъ, встрѣчаются цитаты: «отъ лѣтописцевъ», или «отъ русскихъ лѣтописцевъ», т. е. русскія лѣтописи и хронографы, — «отъ лѣтописцевъ кїево-печерскихъ», т. е. Синописисъ, напечатанный въ типографіи Кїево-Печерской лавры въ 1674 г., — «о семь чти Грамматикіи предисловіе», т. е. предисловіе грамматики Мелетія Смотрицкаго, изданной въ Москвѣ въ 1647 году. Нужно къ сказанному прибавить, что авторъ «Броды» вездѣ слѣдуетъ одному порядку, — отмѣчаетъ цитаты на поляхъ и по большей части полностью, хотя когда дѣлаетъ изъ своихъ источниковъ «выписи», то не считаетъ нужнымъ приводить подлинный текстъ съ буквальною точностію.

Къ особенностямъ изложенія и языка нашего памятника слѣдуетъ отнести нерѣдко встрѣчающееся въ немъ стихотворное построение предложеній ⁷⁶⁾ и употребленіе малопонятныхъ

⁷⁶⁾ Вотъ, на примѣръ, начало „надглаголанія“, первая половина котораго вся написана прямою, виршами:

„Всюю раскольницы вельми ся шаташа,

„И умъ свой щетнымъ прилагаша“?

Напоминая о событіяхъ русской исторіи, съ самаго начала земли русской, авторъ „Броды“ пишетъ:

„На сѣверѣ міръ просвѣтися,

„Русь крестися;

„Милостію Пречистыя Богородицы защитися,

„Православіе распространися;

„Разно княжія свободися,

„И во единоначаліе соединися,

„Царствомъ возвысися;

„Царствующій градъ Москва утвердися,

„Отъ Пегра митрополита благословися,

„И святыми чудотворцы обогатися,

„Святительствомъ украсися;

„Патріаршествомъ одаровася,

„Новый православный сѣверный Римъ именовася,

„Мати россійскимъ градовомъ явися,

„Всѣми благими украсися“.

О мѣстечкѣ „Дары“, гдѣ произошло первое самоожженіе поморскихъ раскольниковъ, авторъ говоритъ:

„По дѣйству мѣсту прозваніе счинено тако: *Доры*,

„Занеже отгуду распложатся раздоры,

„И оттого бывають споры,

„А на священный соборъ укоры“.

Вотъ вирши при характеристикѣ русскаго благосостоянія послѣ смутнаго времени до Никона патріарха включительно:

„Зане молитвы Пречистыя Богородицы поспѣшествоваху—

„Россіяне тѣмъ на храбрость себе поощряху,

„И царствующій градъ Москву отъ ляховъ свобождаху,

„И Михаила Феодоровича царемъ избраху.

„Зане Божія щедроты приидоша,

„Какъ его на царство возведоша;

„Тогда и вся благая Руси Богъ подаваше:

„Мятежь уголяше,

„Тихиною царство одароваше,

„И сына Алексѣя отъ сѣмене его отрождаше,

„А по Михаилѣ царствовать ему благоволяше;

„Книжиною мудростію его одароваше,

„Церкви и царству строителя тѣмъ благоискусна его устроя е;

„Враги ему покоряше.

„Время благостройно тогда настояше,

въ обычной живой рѣчи словъ—церковныхъ, старинныхъ и мѣстныхъ ⁷⁷⁾).

2) Таково содержаніе «Брозды духовной» и ея полемическія и литературныя особенности. Теперь остается еще одинъ вопросъ: кто былъ авторомъ этого произведенія? Прямыхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса въ нашемъ памятникѣ нѣтъ. Въ другихъ источникахъ XVII вѣка намъ совсѣмъ не встрѣчалось даже и упоминанія о «Броздѣ». Такимъ образомъ, личность нашего полемиста остается неизвѣстною. Но что касается нѣкоторыхъ общихъ, въ этомъ отношеніи, положеній, то установить ихъ, до извѣстной степени, возможно, и сводятся они къ слѣдующему.

а) При изложеніи содержанія, „Брозды духовной“ было указано, что она заканчивается увѣщаніемъ къ читателямъ—духовнаго чина и мірянамъ. Общій тонъ этого увѣщанія таковъ, что въ увѣщающемъ, повидимому, скорѣе можно бы предположить лицо іерархическое, чѣмъ простого мірянина, и приличнѣе бы всего — епархіальнаго архіерея. Таково именно обращеніе автора „Брозды“ къ „преподобнымъ іеромонахамъ и боголюбивымъ іереямъ“: умоляя, чтобы тѣ „стяжали“ его „книгу“ себѣ „на вниманіе“ и пользовались бы ею при наставленіяхъ православной паствы и на бесѣдахъ съ раскольниками, онъ въ прямыхъ и рѣшительныхъ выраженіяхъ напоминаетъ увѣщаемымъ, какъ бы имѣющій власть напоминать, что они — соль земли, защита „православнаго полка“ и что, вслѣдствіе этого, пастырское небреженіе влечетъ ихъ къ великой отвѣтственности предъ Богомъ. И однако же, нельзя умолчать, что въ томъ же увѣщаніи, а равно и въ другихъ мѣстахъ нашего памятника встрѣчаются такія выра-

„Зане Никоново патріаршество тогда бываше,

„Иже церковь Божию во исправленіи пасяше,

„Расколы истребляше,

„Мудрыхъ людей любяше,

„И свой умъ къ мудросемъ прилагаше,

„На правду людей поучаше,

„За то и отъ престола изгонимъ бываше“.

⁷⁷⁾ Вотъ примѣры церковныхъ словъ: „новопрозябшая ересь“—капитонство; прозябать = расги; спона = препятствіе, помѣха; обавать = очаровать, обаять; уристать = побѣдить, одолѣть въ ристаніяхъ: „укротите Броздою отъ уристанія“, т. е. отъ споровъ и мнимыхъ побѣдъ на бесѣдахъ; „буяти = буянить „разумъ буйвъ имуше“. Примѣры словъ мѣстныхъ будутъ указаны сейчасъ ниже, при рѣшеніи вопроса объ авторѣ „Брозды“.

женія, которыя, повидимому, не оправдываютъ высказаннаго предположенія, не только объ авторѣ-архіереѣ, но даже и іереѣ. Такъ, напримѣръ, раскрывая, что Духъ Святый даетъ людямъ, на пользу церкви, различныя дарованія, а не одинаковыя, авторъ „Брозды“ пишетъ: „По сему же дадеся благодать и *нынѣшнимъ архіереомъ*, еже церковь Божию во исправленіи имѣти... А чего *имъ* не исправляти... а преко-словцовъ не возбраняти, не токмо *архіереомъ*, но и *іереомъ*, и за то *они* боятся отъ страшнаго судія — Бога истязанія... И того ради подобаесть *намъ* послушнымъ быти, а не пререковати, не токмо ко освященному собору, но и ко *іереомъ*... Они бо суть освящени и на сіе дѣло Богомъ избраны, *въ духовное намъ снабдѣніе*“. Такимъ образомъ объ архіереяхъ и іереяхъ нашъ авторъ говоритъ не иначе, какъ въ третьемъ лицѣ. Подобно этому объясняя въ другомъ мѣстѣ, почему долго не выполнилъ своего желанія написать обличеніе противъ раскола, полемистъ указываетъ, что онъ, какъ человѣкъ не школьной, былъ долго „совѣстью своею зазираемъ, еже бы въ чемъ не согрѣшити, и отъ того бы *отъ освященныхъ властей имену на ся не притяжати*“. Изъ этихъ словъ, повидимому, слѣдуетъ, что самъ авторъ не принадлежитъ къ лику „освященныхъ властей“, да и такой пріемъ самооправданія едва ли можно признать естественнымъ въ устахъ особенно архіерея, призваннаго учить другихъ и „исправлять ихъ“...

б) Авторъ „Брозды“ былъ мѣстный житель Поморья и— давнишній, если не поморецъ по рожденію. Данныя для рѣшенія этого вопроса, какъ кажется, можно извлечь изъ нѣсколькихъ мѣстъ «Брозды». Такъ, напримѣръ, полемистъ говоритъ: «наши поморскіе роспѣвщики... не токмо на еретиковъ бывшихъ злохитрослововъ, но и на нынѣшнихъ раскольниковъ буеслововъ слово въ отвѣтъ распротрети не разумѣютъ... И *сею ради хотѣхъ многажды книгу сію слагати*: повидимому слѣдуетъ, что полемистъ имѣлъ возможность не одинъ годъ наблюдать мѣстную борьбу православія съ расколомъ. Подобнымъ образомъ авторъ два раза упоминаетъ, что усиленное движеніе въ сторону раскола въ поморскомъ населеніи началось съ 1672 года; повидимому слѣдуетъ, что и это мѣстное явленіе было хорошо извѣстно ему и извѣстно не по рассказамъ другихъ. Кромѣ того, въ «Броздѣ» встрѣчаются такія слова, которыя, по словарю Даля, и доселѣ

употребляются только на сѣверѣ Россіи и преимущественно въ губерніяхъ Архангельской и Вологодской. Напримѣръ; *сколить* = выть, скучить по собачьи; *скакуха* = лягушка; *ляга* = непросышная лужа, бакалдина; *чаровань* = колдовство и др.

в) Прочія данныя объ авторѣ „Брозды“ сводятся къ немногому: онъ знаетъ порядки „соборныхъ храмовъ“, какъ бываетъ «у архіереевъ въ Велицѣй Россіи», и порядки «храмовъ приходскихъ», какъ «творятъ сельскіе попы», — исправленіе книгъ и обрядовъ, бывшее при Никонѣ, произошло на его, автора, памяти, — самъ онъ прилагаетъ къ себѣ только одинъ эпитетъ: «азъ многогрѣшный».

г) Какъ понимать сдѣланную на сійскомъ экземплярѣ «Брозды» монахомъ Аѳанасіемъ надпись ⁷⁸⁾ — прямо сказать невозможно. По всей вѣроятности этотъ экземпляръ представляетъ собою даръ изъ Кривецкой пустыни въ Сійскій монастырь, точнѣе: даръ самого Аѳанасія.

П. Смирновъ

⁷⁸⁾ См выше примѣчаніе 5-е.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки